

УДК 811.111'01
ББК 81.2Англ-03

РОЛЬ МЕХАНИЗМОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.А. Нильсен

Статья посвящена рассмотрению роли механизмов семантической деривации в репрезентации концепта «время» в древнеанглийском языке. Описываются основные когнитивные метафоры, входящие в структуру концепта в этот период, а также способы его языкового выражения. Делается вывод о том, что наибольшей значимостью в структуре образной составляющей концепта «время» в рассматриваемый период обладает метафорический блок «время – вместилище».

Ключевые слова: концепт, время, метафора, древнеанглийский язык, архаичное мышление.

Концепт онтологического времени относится к числу базисных в системе представлений человека о мироустройстве. Время является особо значимым для человеческого бытия, оно многогранно, многоаспектно. Этим и объясняется неугасающий интерес исследователей к проблемам репрезентации темпоральных концептов в английском языке, в том числе и на более ранних этапах его развития. В частности, исследованию лексико-семантической системы времени в древнеанглийском языке посвящена монография О.Г. Чупрыной [16]; лексические средства и композиционные приемы создания картины времени в древнеанглийском эпосе рассмотрены в работах Т.В. Бочкаревой [2]; мифопоэтическая символика слов со значением времени на материале древнеанглийского языка описана Л.А. Плахотнюк [10]; историко-семасиологическое исследование существительных, выражающих понятие «время» в древнеанглийском языке, проведено Н.Л. Жабицкой [4]. Очевидно, что анализ средств и способов репрезентации концепта «время» в древнеанглийском языке давно занимает умы лингвистов и не теряет своей актуальности по сей день.

Поскольку у человека нет специального органа для восприятия времени [1, с. 51; 6, с. 62],

ему, начиная с древнейших эпох, приходится искать способы отображения в языке этого абстрактного понятия посредством механизмов семантической деривации, к которым ученые относят метафору, метонимию, синекдоху, литоту, гиперболу, катахрезу [7]. При этом многие исследователи семантической эволюции слов в английском языке отмечают, что основными приемами семантической деривации являются метафора [7, с. 4; 13] и метонимия [9]. Некоторые лингвисты, посвятившие свои труды описанию средств выражения времени в языке, пишут о том, что метафора играет наиболее существенную роль в развитии способов репрезентации времени. Так, К.Г. Красухин отмечает, что время, как любая нематериальная вещь, выражается в языке при помощи материальных метафор [6, с. 63].

Метафора, способная совмещать в себе абстрактное и конкретное, то есть логические сущности разных порядков, и синтезировать такого рода сведения в новые концепты, может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие познавательные процессы, эмпирический опыт, культурное достояние народа, его языковую компетенцию. Это свойство метафоры позволяет ей отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной картину мира – создать ее языковую модель, вос-

принимаемую за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений.

Как пишет В.И. Постовалова, «картина мира не есть зеркальное отображение мира и не открытое “окно” в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершают мировидение» [11, с. 55]. Роль такой призмы, по мнению В.Н. Телия, наиболее успешно выполняется метафорой, поскольку она способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксировать в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких «оттенков» смысла [12, с. 179].

Механизмы семантической деривации в древних языках имеют специфику, которая объясняется тем, что «познавательные процессы людей, живущих в условиях менее сложных социально-исторических укладов, включаются в иную деятельность и строятся существенно иначе, чем познавательные процессы, известные нам по нашему собственному опыту... <...> Ведущее место в них занимают не отвлеченные, вербально-логические, а конкретные, наглядно-практические операции, и именно они кладутся в основу существенных связей между предметами» [8, с. 53].

Многие лингвисты отмечают, что в древних, в частности в германских, языках в основе метафоры лежит первоначальное отождествление предметов/явлений/эмоций и т. д. [5; 14].

Рассмотрим специфику основных когнитивных метафор, входящих в структуру концепта «время» в древнеанглийском языке, а также роль механизмов семантической деривации в экспликации данного концепта в этот период. Основным источником для отбора языкового материала в исследовании послужил словарь древнеанглийского языка под редакцией Дж. Босворта.

Наиболее продуктивной моделью семантической деривации в древнеанглийский период в рамках концепта «время», как показывают материалы нашего исследования, является «время – вместилище» или «время – кон-

тейнер», в котором аккумулируются определенные события, действия, обстоятельства, имеющие важное значение для носителей языка. Так, например, лексема *dæg*, по данным словаря древнеанглийского языка, имела не только значение «a day», но и «the daily service of the early English church», как в предложении *Dauid cwæp seofon sīþon on dæg ic sang þē, Drihten, to lofe...* (Bosworth, p. 193). Поскольку в результате христианизации Великобритании церковные обряды стали играть важную роль в жизни жителей страны, день стал ассоциироваться с таким значимым событием, как ежедневная служба в церкви, включающая конвенциональные атрибуты и действия – чтение псалмов и песнопения во славу Господа.

Среди темпоральных лексем, содержащих в своей семантике элементы религиозного характера, можно назвать также *fæsten-dæg* (fast-day) / *fæsten-tīd* (fast-tide or time) / *fulluht-tīd* (time of baptism, baptismal time) / *gang-dagas* (Perambulation days, the three days before Ascension day or Holy Thursday, Rogation days when the boundaries of parishes and districts were traversed) / *ge-bēd-dagas* (prayer-days) / *mæsse-tīd* (a time at which mass was said) / *palm-sunnandæg* (Palm Sunday) / *sweotolung-dæg* (Epiphany) / *tēoðung-dagas* (Tithing-days, days amounting to a tithe of the year, a term applied to the thirty-six week days in the six weeks of Lent from the first Sunday in Lent until Easter-day) / *twelfta* (ord. num. Twelfth, in reference to Twelfth night, the twelfth day after Christmas, Epiphany, the first of January) / *twelfta-nihte* (ord. num. Twelfth, in reference to Twelfth-night, the twelfth day after Christmas, Epiphany, the first of January) / *þeorf-dæg* (a day on which unleavened bread was to be eaten) / *ūhtan-tīma* (the time of nocturnes) / *ymbren-dæg* (an Ember day) / *ymbren-wicu* (a week in which Ember-days fall) и др. (Bosworth). Все эти слова номинируют определенные отрезки времени, наполненные событиями, важными как для служителей церкви, так и для простых христиан – дни поста, Крещение Господне, Вербное воскресенье, время крещения и т. п.

Действие механизмов метонимизации можно проследить в словосочетаниях *ēagan beorht* и *ēagan bryhtm*, переводимых в словаре древнеанглийского языка как «an eye's

glance, a moment» и «an eye's twinkle, a moment» соответственно (Bosworth, p. 226). В семантике словосочетаний содержится указание на то, что время измеряется действием, которое можно успеть совершить за названный отрезок времени, а именно, момент, миг равен отрезку времени, за который можно успеть моргнуть или мельком взглянуть на что-то.

В результате метонимии у существительного *hungor-gēar* появляется значение «a year of famine» (ibid., p. 567). По-видимому, во времена англосаксов голодные годы случались довольно часто, что вызвало необходимость образования лексической единицы, способной называть такой период времени, характерной чертой которого был недостаток продуктов питания и связанные с этим обстоятельством страдания людей.

В словаре древнеанглийского языка зафиксированы и другие единицы, номинирующие отрезки времени, наполненные неприятными событиями, несчастьями, страданиями, оплакиванием умерших, горем, невзгодами, бедствиями: *earfop-hwīl* (a time of hardship) / *earfop-brag* (the time of tribulation) / *hēofung-dæg* (a day of mourning) / *hēofung-tīd* (a time of mourning) / *langung-hwīl* (a time of longing or weariness) / *orleg-stund* (a time of trouble, time when the unfavourable decree of fate is carried out) / *bræc-hwīl* (a time of suffering, a hard time) / *brōwing-tīd* (1. the time at which a person suffered; 2. the anniversary of the time when someone suffered) / *brōwing-tīma* (a time of suffering) / *un-tīma* (adj. unhappy, unfortunate, ill-timed) / *wræc-fæc* (a time of misery) и др. (Bosworth). Очевидно, что жизнь англосаксов была полна тягот, лишений, войн и борьбы за выживание, что нашло отражение, в частности, в темпоральной лексике.

Поскольку германские племена часто находились в состоянии войны, существовала необходимость обозначения средствами языка отрезков времени, наполненных военными действиями. К таким номинациям относятся *gefeoh-t-dæg* (a fight-day, day of battle) / *gewin-dæg* (a labour or trouble day, battle day) / *orleg-hwīl* (battle-time, time of war) / *sige-hwīl* (a time of victory, the hour of victory) / *winn-dæg* (a day of labour or struggle) и др. (Bosworth). Достаточно долгие отрезки мирного времени были репрезентированы в языке с помощью таких единиц, как *frip-gēar* (a year of peace, or jubilee)

(Bosworth, p. 338), передававшей представление о годе как о святом или заполненном событиями мирной жизни.

Ряд темпоральных лексем номинировал отрезки времени, наполненные радостными событиями – праздниками, пиршествами, например: *frēols-dæg* (a feast day, festival day) / *frēols-gear* (a feast-year, jubilee) / *hēahrēols-tīd* (the time of a high festival) / *mārsung-tīma* (a time of celebration, glorification) / *mæsse-dæg* (a festival) / *symbel-dæg* (1. a feast day, a day of a banquet; 2. a festival) / *weorþung-dæg* (a day for the bestowing of honours or offices; a day for worship or celebration) / *wyn-dæg* (a day of gladness, a joyous time) и др. (Bosworth).

Многие лексические единицы обозначали одновременно и событие, и время, когда это событие произошло, или время, удачное или неудачное для какого-либо события, например: *byre* (an event, the time at which anything happens, a favourable time, an opportunity) / *cerr* (a turn, time, an occasion, affair) / *māl-dæg* (an agreement, covenant, settlement or a day on which terms are fixed, a day when the dowry was settled) / *un-tīma* [1. a wrong time, an improper time; 2. a bad time, an unhappy condition of things, a mishap (in a wrong time)] и др. (Bosworth). Такое совмещение в семантике одной лексемы разных с точки зрения современного человека значений связано с особенностями архаичного сознания, для которого события, время, когда они происходили, а также их неотъемлемые атрибуты были неразрывно связаны между собой и, как следствие, зачастую передавались одной лексической единицей.

В семантике некоторых слов эксплицируются не только событие и время, когда оно произошло, но и противоположные коннотативные оттенки значения, например у существительного *sāġl*, среди значений которого в словаре древнеанглийского языка указаны: 1. Time, occasion; 2. a fit time, season, opportunity, the definite time at which an event should take place; 3. time as in bad or good times, circumstance, condition; 4. a time of misery; 5. happiness, good fortune, good time, prosperity (Bosworth, p. 810). Таким образом, *sāġl* может обозначать временной отрезок, вмещающий в себя определенное событие, и это событие как таковое; время, подходящее для свершения чего-либо, и возможность этого свершения; плохие или хорошие времена, обстоя-

тельства или условия; время горя и страданий; счастье и процветание. Помимо этого, как отмечает в своих работах О.Г. Чупрына, в рамках англосаксонской парадигмы семантика *sǣl* обладает признаком кульминационности, она связана с триумфом героев и высшей точкой потенциала дружинного мира [16, с. 90]. Значение существительного *sǣl* является достаточно широким. Однако необходимо учитывать: принципиальное отличие древнеанглийских слов с широкой семантикой от современных заключается в том, что широта их значения обусловлена не высокой степенью абстракции, обобщения, а, напротив, недостаточной высотой ее уровнем. «В этом случае можно говорить о невысоком уровне такого вида абстракции, который получил в логике название конструктивизации, когда в процессе познания действительности происходит выделение отдельных сторон явления, превращение непрерывного в дискретное, текучего в жесткое. Этот процесс отвлечения от зыбкости границ, текучести отдельных сторон, превращения их в жесткие конструктивные объекты мог длиться тысячелетиями, и не окончен еще и сейчас, поскольку процесс абстрагирования находится в постоянном развитии» [3, с. 26].

Анализ представленного в словаре древнеанглийского языка фактического материала позволил установить, что 75 % древнеанглийских лексических единиц, номинирующих время и содержащих в своей семантической структуре метафорические и метонимические сдвиги, можно отнести к группе «время – вместилище» или «время – контейнер». Помимо рассмотренных выше слов в нее входят *ǣring* (the early dawn, day-break) / *ge-byre* (the time at which anything happens, a favourable time) / *ge-mynd-dæg* (a commemoration day, day of birth or of death) / *gēola* (the Yule or Christmas month, December) / *ge-swinc-dæg* (a labour-day, day of foil) / *lān-dagas* (the days granted to a man in which to live, the time during which a man lives) / *mid-winter* (mid-winter, Christmas) / *reste-dæg* (a day of rest, a day when no work is done) / *resten-gēar* (a year in which no work is done) / *riþ-tīma* (harvest-time) / *rōt-hwīl* (a time of refreshing) / *sin-niht* (continual night, perpetual darkness) / *swig-tīma* (a time of silence) / *þing-gemearc* (measurement of time by events, by years, by feet) / *þræg, þrāh* (1. a time, season; 2. in reference to the condition of things at any

time, time as in good, bad, hard times; 3. adverbial uses) / *tīd* (tide, time, hour) / *weder-dæg* (a day of fine weather, a fine day) / *weorc-dæg* (a work day, any day of the week but Sunday) / *wic-dæg* (a day of the week, a week day, a day on which business may be done) / *wōl-dæg* (a day of pestilence, a day of death) (Bosworth) и др.

В памятниках письменности древнеанглийского периода также можно найти примеры экспликации модели «время – вместилище» или «время – контейнер». Так, например, в переводе Церковной истории Беды (*Historia Ecclesiastica gentis Anglorum*) на уэссекский диалект, датированном примерно 890 годом, время (*tīde*) представляется как вместилище определенных событий, явлений, состояний и т. д. В частности, в следующем примере отрезок времени *tīde* вмещает в себя период жизни человека (поэта Кэдмона), когда он стал больным и пожилым, что повлекло за собой определенные последствия и было связано с описанными далее событиями: *Wæs hē sē tōn in weoruldhāde zeseted oð þā tīde þe hē wæs zelēfedre ylde* (*Historia*, p. 20) – *Был он, тот человек, в мирскую жизнь помещен до того времени, пока не стал слабее и старше* (перевод наш. – Е. Н.). Еще в одном предложении из этого же произведения *tīde* вмещает ряд действий Кэдмона, подчиненных следующему сценарию: во время пира будущий поэт видит, как к нему приближается арфа, встает из-за стола и уходит: *Þā hē þæt þā sumre tīde dyde, þæt hē forlēt þæt hūs þæs zebēorscipes...* (*Historia*, p. 21) – *Когда он это тогда некоторое время делал, что он покидал тот дом того пира* (перевод наш. – Е. Н.).

Еще одной частотной моделью метафоризации в рамках концепта «время» в рассматриваемый период является «время – пространство» или «отрезок времени». Как отмечают лингвисты, время в англосаксонской парадигме могло отождествляться с пространством, поскольку архаичное сознание не разделяло их и принимало пространство за время, и наоборот [15, с. 20; 16, с. 8].

Тесная взаимосвязь пространства и времени прослеживается в семантике многих лексических единиц древнеанглийского языка. Так, по данным словаря англосаксонского языка прилагательное *midd* может обозначать середину как пространственного, так и временного отрезка; лексемы *ufer(r)a* и *ufe-*

weard способны в одних контекстах указывать на нахождение чего-либо выше чего-то другого в пространстве, а в других контекстах – на следование какого-либо события после какого-то другого на временной оси; предлог *tō-foran* передает значение «перед» в пространственном или временном плане в зависимости от контекста и т. п. Прилагательное *wīd* имело значение «широкий», с его помощью могли описывать размеры объектов, обширные пространства, далекие путешествия и длинные отрезки времени: *wīd* – 1. in reference to the dimensions of an object – wide, of a certain width; 2. of that which is spread over a wide surface; 3. Wide, having no limit near, open; 4. Of travel, that traverses many lands, far and wide; 5. Of the duration of time – long, lasting long, in phrases equivalent to ever, always) (Bosworth).

Данные лексикографических источников свидетельствуют, что 18 % древнеанглийских лексических единиц, номинирующих время и содержащих в своей семантической структуре результаты действия механизмов семантической деривации, можно отнести к группе «время – пространство» или «отрезок времени». В частности, в нее входят следующие слова: *hēr* (adv. here, at this time, in this world) / *hwīl* (a while, space of time) / *lang* (length of time) / *on* (prep. adv. 1. expressing local relations, rest upon and contact with an object; 2. expressing temporal relations, marking a point of time – on, in, at; on-écnesse – for ever) / *rūm* (1. local room, space; 2. temporal, space of time; 3. time, which allows unhindered or unhurried action, opportunity) / *ryne-brāg* (a space of time) / *scortlic* (adj. short, of time, not lasting) / *scortness* (1. shortness of time; 2. a short account, an epitome) / *tō-foran* (prep. before 1. of place, in front of, in present of 2. of time, previous to) / *ufer(r)a* (1. local, upper, higher, upmost, highest; 2. temporal, later, after) / *ufe-weard* (1. local, upper, generally may be translated by «upper part of» the noun which it qualifies: the lower and upper parts of the neck are green; 2. temporal – later part of a time) и др. (Bosworth).

Время в архаичном сознании могло представляться и как движение, дорога. Такого рода семантический сдвиг актуален для носителей английского языка по сей день, что подтверждается, в частности, исследованиями Дж. Лакоффа, М. Джонсона и М. Тернера [17; 18], в которых отмечается, что одной из базовых метафор в английском языке является «время –

это движущийся объект» [18]. При этом будущее может восприниматься как движущееся по направлению к нам, либо время может мыслиться статичным, а человек – движущимся сквозь время. Таким образом, метафора «время – это движущийся объект» («время – движение») распадается на две составляющие: «время – путник» и «время – путь/дорога».

В англосаксонском языке примером метафорического переноса «время – путь/дорога» может служить существительное *ellor-sīþ*, которое обозначало уход в мир иной, смерть (a journey elsewhere, departure, death) (Bosworth, p. 247). Такой перенос значения представляется возможным отнести к метафорическому блоку «жизнь есть путь/дорога», предложенному в книге Дж. Лакоффа и М. Тернера «More than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor» [18], который можно рассматривать как вариант блока «время – путь/дорога». В этом случае смерть представляется конечной точкой такого путешествия. В древнеанглийском языке этот день, день смерти, обозначался существительными *ende-dæg* (the last day, the day of one's death) и *ende-dōgor* (the final day, day of one's death) (Bosworth). Однако, несмотря на то, что смерть ставит точку в нашем путешествии по мирской жизни, для сознания англосакса, тяготеющего к циклической модели времени, она означала и начало нового пути, нового витка жизни, возвращение к истокам. Поэтому, например, в поэме «Беовульф» встречаются такие строки:

Sigemunde gesprong

æfter deaðdæge dom unlytel (Beo. 884–885) –

Слава Сигмунда

немало выросла

после смерти его (пер. В. Тихомирова) (Беовульф, с. 71).

Великий воин, павший в битве, как бы заново возрождается после своей смерти в песнях и сказаниях о его героических подвигах. Он приобретает новую жизнь после своей безвременной кончины.

К блоку «время – путник», являющемуся вариантом блока «время – движение», можно отнести следующий пример из Книги Бытия Эльфрика, датируемой примерно 1000 годом: *Bū zesihst Þæt ic ealdize, and ic nāt hwænne mīne dazas āzāne beoþ* (Old Testament, c. 32) – Ты видишь, что я старею, и я не

знаю, когда мои дни пройдут (перевод наш. – Е. Н.). Здесь дни жизни Исаака предстают перед читателем в роли путников, которые идут по дороге жизни, приближая человека к его смертному часу.

Некоторые древнеанглийские лексические единицы, номинировавшие время, совмещали в своей семантике различные модели метафоризации. Так, наречие и предлог *ofer/ofor* можно отнести к двум блокам: «время – пространство» и «время – путь/дорога». В словаре древнеанглийского языка их значение описано следующим образом: *ofer, ofor* – prep. adv. 1. Generally with the idea of rest: above, over; denoting extension over etc. 2. Marking time – beyond (beyond the time). 3. Generally with the idea of movement: denoting motion in a definite direction across, to the other side of an object; denoting extension through a space; denoting motion from below, over, above etc. (Bosworth, p. 729). Как свидетельствуют данные лексикографической статьи, наречие и предлог *ofer/ofor* могли описывать расположение объектов в пространстве как находящихся выше чего-либо, местоположение событий на временной оси как следующих за чем-либо и в то же время обозначать движение в определенном направлении.

Примеры совмещения моделей метафоризации «время – пространство» и «время – путь/дорога» встречаются и в памятниках письменности рассматриваемого периода. Так, в поэме «Беовульф» главный герой бросается в пучину вод, чтобы спасти славного Хродгара, и стремится достичь морского дна, чтобы встретиться в схватке со злобной матерью Гренделя. Расстояние, которое при этом должен преодолеть Беовульф, описывается в поэме следующим образом:

*Da wæs hwil dæges,
ær he þone grundwong ongytan mehte* (Beo. 1495–1496) –
был переходу
дневному равен
путь через бездну (пер. В. Тихомирова) (Беовульф, с. 100).

В приведенном примере указание на расстояние осуществляется с помощью лексических единиц, обозначающих время.

В древних памятниках письменности можно встретить и случаи персонификации времени. Например, в строках 1789–1790 по-

эмы «Беовульф» так описывается наступление ночи:

*Nihthelm geswearc
deorc ofer dryhtigumum* (Beo. 1789–1790) –
Шлем ночи сгустил тьму над воинами (перевод наш. – Е. Н.).

Ночь, как древний воитель, накрывает своим шлемом, выкованным из тьмы и мрака, уставших воинов, пировавших в чертогах Хродгара. Она, как всемогущий господин, над которым человек не властен, навеивает дремоту и валит с ног даже самых доблестных воинов, непобедимых в яростных битвах.

В некоторых древнеанглийских лексических единицах персонификация времени заложена ингерентно. В частности, композит *eald-dagas* (ancient days) (Bosworth, p. 227) состоит из двух частей: «старый» и «дни». Таким образом, дни, как и люди, в представлениях архаичного человека могут со временем становиться старше и мудрее.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что механизмы семантической деривации, а именно метафорические и метонимические сдвиги значения в рамках семантической структуры слов, репрезентирующих концепт «время» в древнеанглийском языке, сыграли важную роль в развитии способов выражения рассматриваемого концепта. Результаты исследования основных когнитивных метафор, входящих в структуру концепта в этот период, а также способов его языкового выражения дают основание полагать, что специфика архаичного мышления проявлялась в восприятии времени прежде всего как вместительности важных для человека действий и событий, таких как религиозные обряды, военные походы и сражения, радостные или печальные события и т. п. Значимыми для выражения рассматриваемого концепта были такие модели метафоризации, как «время – пространство» и «время – движение», поскольку человек зачастую измерял пространство в терминах времени и наоборот. В произведениях исследуемого периода встречается персонификация времени, его олицетворение как грозного господина, имеющего власть над людьми и неподвластного их воле. Эти образные переосмысления позволяют приблизиться к по-

ниманию особенностей восприятия окружающего мира носителями древнеанглийского языка, а следовательно, к пониманию особенностей менталитета представителей той эпохи и осмыслению ее культурного своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н. И. Толстого / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 51–61.
2. Бочкарева, Т. В. Картина времени в «Беовульфе»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бочкарева Татьяна Валентиновна. – М., 1999. – 22 с.
3. Горский, Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий / Д. П. Горский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 351 с.
4. Жабицкая, Н. Л. Историко-семасиологическое исследование существительных, выражающих понятие «время» в древнеанглийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Жабицкая Наталья Львовна. – Киев, 1974. – 18 с.
5. Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Красавский Николай Алексеевич. – Волгоград, 2001. – 40 с.
6. Красухин, К. Г. Три модели иноевропейского времени на материале лексики и грамматики / К. Г. Красухин // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н. И. Толстого / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 62–77.
7. Лапшина, М. Н. Семантическая эволюция английского слова / М. Н. Лапшина. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – 159 с.
8. Лурия, А. Р. Психология как историческая наука / А. Р. Лурия // История и психология. – М.: Наука, 1971. – 381 с.
9. Нильсен, Е. А. Лексико-семантическое поле звукообозначений в английском языке (синхронный и диахронический аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нильсен Евгения Александровна. – СПб., 2001. – 233 с.
10. Плахотнюк, Л. А. Мифопоэтическая символика слов со значением времени на материале древнеанглийского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Плахотнюк Людмила Алексеевна. – М., 1996. – 14 с.
11. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
12. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–205.
13. Телия, В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 3–10.
14. Феоктистова, Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка) / Н. В. Феоктистова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 188 с.
15. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с.
16. Чупрына, О. Г. Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка): монография / О. Г. Чупрына. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2000. – 150 с.
17. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.
18. Lakoff, G. *More than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1989. – 230 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Беовульф – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Худож. лит., 1975. – 751 с.

Beo – Beowulf / ed. with Introduction, Bibliography, Notes and Glossary and Appendices by W. I. Sedgefield. – Manchester: Univ. Press, 1910. – 300 p.

Bosworth – An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth, D.D... / ed. and enlarged by T. Northcote Toller, M.A. – Vol. 1–5. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1882–1892.

Historia – *Historia Ecclesiastica gentis Anglorum* // Смирницкий, А. И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов / А. И. Смирницкий. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Академия ИЦ, 2008. – 304 с.

Old Testament – *Ælfric's Old Testament Translations* // Смирницкий, А. И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов / А. И. Смирницкий. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Академия ИЦ, 2008. – 304 с.

**THE ROLE OF SEMANTIC CHANGES
IN «TIME» CONCEPT EXPLICATION IN ANGLO-SAXON**

E.A. Nilsen

In the present article the role of semantic changes in «time» concept explication in Anglo-Saxon is described along with the means of its representation. It is proved that the most common and important cognitive metaphor of this period in Anglo-Saxon is «Time as a container».

Key words: *concept, time, metaphor, Anglo-Saxon language, archaic mentality.*